

УДК 94(47+57)«1917/1991»

ББК 63.3(2)613-2

**ПРОБЛЕМА ГОЛОДА – ВАЖНЫЙ КОМПОНЕНТ
НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ «НЭПа»,
ИЛИ РЕЦЕНЗИЯ В ЖАНРЕ «РЕТРО» НА КН.:
ПОЛЯКОВ, Ю. А. ПЕРЕХОД К НЭПУ
И СОВЕТСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО / Ю. А. ПОЛЯКОВ. –
М. : НАУКА, 1967. – 512 с.**

В.А. Поляков

В статье через рецензию на книгу, опубликованную более сорока лет назад, и факты, извлеченные из архивов, критически осмысливается так называемая новая экономическая политика, ставшая основной причиной первого советского голода начала 1920-х годов.

Ключевые слова: историография, методология, голод, деревня, крестьяне, посевная кампания, продналоговая кампания, «новая экономическая политика».

Тема «новой экономической политики» (далее – «НЭП») ¹, бывшая одной из наиболее популярных в советский период истории, сохраняет свою актуальность и в нынешней России [3; 4; 6; 24; 30], изменившей государственно-экономический строй. Сегодня проблема «НЭПа» приобретает остроту еще и в связи с процессом реформирования высшей школы, в которой меняется система подготовки научных кадров, включая историков. Большинство из них при свободе выбора методологии, декларируя приверженность принципам «объективности и историзма» (см., например: [2; 33]), в реальности остаются на позициях марксизма-лениниз-

ма, потому что изложение причинно-следственных связей обуславливают не духовно-нравственным обликом людей, а некими внешними обстоятельствами, то есть бытием, а не сознанием людей. В связи с этим историку для осмысления значимости методологии как компаса, без которого исследование, даже базируясь на широком круге источников, становится не просто бесполезным, но и вредным для общества, необходимо обращение к анализу ранее выходивших работ.

Отсюда вытекает важность историографии как того компонента научного исследования, через который осмысливается не просто опыт, вклад, позитивные результаты, но и просчеты предшественников. Выбор для рецензирования более сорока лет назад вышедшей из печати монографии Ю.А. Полякова [26] обусловлен, во-первых, высоким авторитетом

автора; во-вторых, его многогранным вкладом в советскую историческую науку, включая проблематику, близкую к содержанию рецензируемой книги [25; 29].

Без осмысления опыта, включая отрицательный, невозможно поступательное развитие науки. Книга «Переход к нэпу и советское крестьянство» по многим научным параметрам своего историографического значения не потеряла. Ее богатая источниковая основа, логика структурного построения и даже стиль изложения с вкраплениями литературной речи в этих компонентах для значительной части нынешних представителей гуманитарных дисциплин может быть даже и образцом для подражания. Вместе с тем поучительно важным в исторической ретроспективе из-за марксистско-ленинской методологии, тогда использовавшейся автором, становится анализ этого труда сейчас.

Начиная с нашего несогласия относительно утверждения, что «история крестьянства в первые годы Советской власти и история перехода к нэпу имеют великого историографа – Владимира Ильича Ленина» (см.: [26, с. 6]), перейдем к ключевой ремарке относительно архивных источников. Находя допустимым призыв Ю.А. Полякова «не фетишизировать данные архивов... сопоставлять все факты, независимо от того, где они обнаружены – в архиве, газете, книге» (см.: [там же, с. 52]), одновременно обратим внимание именно на ленинские указания относительно информации, помещаемой в газетах: «...конечно, в газетных отчетах придется говорить менее откровенно, чем здесь» [15, с. 34] или «в печати сгладить...» [18, с. 371] и др. В связи с этим абсолютно нелогичной предстает констатация «обилия архивных материалов» (см.: [26, с. 52]), тогда как в тексте работы ссылки на них занимают меньшую долю от иных источников, а в числе используемых фондов, например из ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне – РГАСПИ), находим только один фонд 17 – Организационно-инструкторский отдел ЦК РКП(б). Возможным объяснением этого может служить еще одна авторская мысль: «Большое количество архивных материалов не включено в текст потому, что данные других источников оказались более надежными, типичными» (см.: [там же, с. 52]).

На этом основании логичным будет наш переход к историографическому разделу введения. Положительно оценивая этот фрагмент книги, насчитывающий более 100 сносок только на советские издания в хронологических рамках с 1920-х до середины 1960-х годов, одновременно отметим парадокс – отсутствует анализ «Истории ВКП(б). Краткий курс» (далее – «Краткий курс») [8]. С точки зрения рецензента, это произошло не случайно. Хотя автор и заявил, что «Коммунистическая партия отбросила прочь вериги культа личности, препятствовавшие развитию исторической науки» (см.: [26, с. 25]), в действительности ни партия коммунистов, ни историк в этой партии состоявший не могли отказаться от марксистско-ленинской методологии, образцом воплощения которой и является «Краткий курс». Именно в нем, как заклинание, повторялся одиозный партийный миф: «X съезд принял важнейшее решение о переходе от продразверстки к продналогу, о переходе к *новой экономической политике* (нэп).

В этом повороте от военного коммунизма к нэпу (на X съезде партии коммунистов понятий “военный коммунизм” и “нэп” не было. – В. П.) сказались вся мудрость и дальновидность ленинской политики» [8, с. 244].

Еще за двумя фразами этого реального «эталона» мнимой научности оказалась скрытой правда и о голоде 1920-х годов. Причины этого бедствия объяснялись природным катаклизмом, с которым партия большевиков-ленинцев якобы успешно справилась по решению своего XI съезда. В первом случае это было представлено следующим образом: «Вдобавок в 1920 году многие губернии были охвачены неурожаем», – а во втором последовала победная реплика: «Успешно были ликвидированы последствия постигшего страну недорода» [8, с. 237, 248].

Этот посыл из «Краткого курса» стал методологической основой как рецензируемой книги Ю.А. Полякова, так и главы 5 из нее «Начало восстановления сельского хозяйства (1921–1922 гг.)» (см.: [26, с. 265–341]), которая рецензентом рассматривается в качестве ключевой в нашем взгляде на «НЭП» через призму голода. При этом уже в названии данной главы однозначно предстает несоответствие, которое вытекает из слова «восстанов-

ление», несущего позитивный смысл, с трагическим характером событий, приходящихся на этот хронологический отрезок времени, потому что именно в эти годы произошел упадок сельскохозяйственного производства и одновременно пошел на миллионы счет жертвам голода.

Такие же противоречия находим и во всех шести параграфах, эту главу составляющих. Первый – «Международное положение Советской страны в 1921–1922 гг.» (см.: [26, с. 265–270]) – является образцом циничного перекалывания ответственности с большевиков, политика которых привела Россию к трагедии, на «международный империализм». Хотя тот же председатель ВЦИК М.И. Калинин в конце 1922 г. и признавал, что «зарубежный капиталистический мир принес довольно солидную помощь, которая измеряется 3 десятками миллионов пудов в год. Я не сомневаюсь, товарищи, что помощь, которая принесена нам Западом, работа, которая произведена западно-европейскими и американскими представителями, пожалуй, лучшее, что сделано капиталистическим миром в последние годы» [10], но Ю.А. Поляков об этом не упоминает.

Название параграфа 2 «Весенняя посевная кампания 1921 г.» (см.: [26, с. 270–285]), сформулированное под трафарет «объективности», является сокрытием правды о причинах фиаско с тем засевом, который перед его началом называли «великой посевной» кампанией 1921 года. Она базировалась на принципах продрозверстки, включавших насильственное изъятие семенного зерна, с классовых позиций внутриселенское и межселенское перераспределение, круговую поруку, жесткие централизованные команды на начало сельскохозяйственных работ и целый ряд иных действий подобного характера, что вместо планировавшегося увеличения площади засева в 1921 г. на треть больше, чем в 1920 г., обернулось недосевом именно в таких размерах. В этой ситуации автор, признавая «заметное уменьшение» посевных площадей, с целью оправдания большевиков переносит по времени эту тенденцию к началу 1916 г. и, необоснованно указывая, что «стремление к расширению посева у крестьян было больше», заканчивает парадоксальным выводом: «...но

объективные условия не позволили осуществить его» (см.: [26, с. 284]).

Параграф 3 «Неурожай 1921 г. и борьба с его последствиями» (см.: [26, с. 285–295]) рецензент воспринимает своеобразным базисом в нашем осмыслении «НЭПа» через рост численности голодающего населения после замены продовольственной разверстки продовольственным налогом. При этом нельзя не отметить справедливость тех слов, с которых начинается первый абзац этого параграфа: «Хотя весенний сев 1921 г. и не принес желаемых сдвигов...». Но дальнейшая логика изложения, о чем приходится сожалеть, оказалась иной, уводящей исследователя в противоположную от истины сторону, а именно: на первую позицию выходил «жесточайший неурожай, поразивший страну в 1921 г.», далее следовало пафосное описание заботливости партийных структур о народных массах, затем коллизии с подсчетами о численности голодавшего населения и значительно усеченными цифрами до «десятков и сотен тысяч человек, вычеркнутых голодом и эпидемиями из списков живых». При этом из 59 ссылок, приходящихся на этот параграф, архивные данные представляются только тремя, которые определяющего значения в его содержании не играют. Под такой же трафарет формулируется и общий вывод: «Вопрос о причинах неурожая и голода был уже в 1921–1922 гг. раскрыт в государственных и партийных документах, в выступлениях В.И. Ленина» (см.: [26, с. 289]).

Выходило так, что марксистско-ленинская методология становилась значимее профессионализма историка, которому непосильным был показ реальной истины, отражавшейся в целом ряде фактов. Начнем с многократных его ссылок на устрашающие майские метеосводки из газеты «Правда», но игнорируемый ленинский прогноз, что «урожай в этом году, по-видимому, во многих местах будет сносный...» [14, с. 322], сделанный им на X конференции РКП(б) 27 мая 1921 года. Еще убедительнее звучит июльское интервью заместителя наркома земледелия И.А. Теодоровича, заявившего сотруднику РОСТА: «Значительно лучше обстоит дело с яровыми, благодаря последним выпавшим дождям. Состояние картофеля во всей республике хорошее...» [7].

Хотя, конечно, более важны документальные данные с метеорологическими наблюдениями, свидетельствующими, что средние показатели температуры весны и лета 1921 г. были ниже 1920 г., который уступал и по количеству выпавших осадков [19]. Кроме того, выпадение дождей подтверждалось и сообщениями с мест в партийно-советские инстанции [32], о чем в книге не упоминается.

В таких условиях рост катастрофических проявлений уже с зимы 1920/21 года стал естественным отражением положения людей, у которых слово «голод» не только приобрело обыденный характер, но и стало более устрашающим по смыслу. Именно тогда в новой большевистской интерпретации председателя ВЦИК РСФСР М.И. Калинина им стали «обозначать такое положение, когда нужда в пище достигает высшего предела и является уже неодолимой, безвыходной, как стихийная сила, когда население умирает не только от разного вида эпидемий, развивающихся на почве истощения... но и непосредственно от недостатка питания – голодной смертью» [9].

Обходя вниманием такую констатацию, Ю.А. Поляков одновременно смещает акценты на деятельность «с 18 июля 1921 г. Центральной комиссии помощи голодающим (ЦК Помгол)» во главе с М.И. Калининым (см.: [26, с. 292]), что сопровождается еще двумя проявлениями отхода от истины. Во-первых, не раскрывается история «Комиссии ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая в Рязанской, Калужской, Орловской, Тульской и Царицынской губерниях», которая опять же под руководством М.И. Калинина существовала с 17 февраля по 23 июня 1921 года [23]. Ее провал был обусловлен единственной декларативной формой помощи в виде заявления об уменьшении размеров продовольственной разверстки для централизованного фонда наркомата продовольствия с тех районов, какие получали статус голодающих, что реально не вело к улучшению положения населения, уже ничего не имевшего.

Во-вторых, умалчивается о том, что в крайне тяжелой ситуации совестью нации стала русская патриотическая общественность, вошедшая в состав Всероссийского комитета помощи голодающим (ВКПП) и включив-

шаяся в борьбу по организации иностранной помощи населению остро голодавших регионов страны. Именно это давало реальную надежду на спасение от голодной смерти миллионов людей, но и вызывало неприязнь в звене высшего партийно-государственного руководства, санкционировавшего создание параллельной государственной структуры – Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК. Она, став преемницей «Комиссии ВЦИК по оказанию помощи сельскому населению, пострадавшему от неурожая», реально значимую помощь голодавшим оказать не могла. В характере ее деятельности повторялись особенности функционирования советского государственного аппарата, создававшегося для вне рыночной экономики, которая методом продовольственной разверстки вводилась в жизнь. Поэтому в условиях продолжавшего усугубляться голодного кризиса правящие круги РСФСР были вынуждены пойти на полуторагодичное сотрудничество с западными общественными организациями, из коих основная часть помощи пришлась на правительственную организацию США – «АРА» («Американская Администрация помощи» – «American Relief Administration») [12].

Марксистско-ленинская методология, базирующаяся на воинствующем атеизме, исключала возможность и позитивной оценки роли Русской православной церкви (далее – РПЦ) в организации помощи голодавшему населению, что может служить объяснением отсутствия в работе Ю.А. Полякова упоминаний о деятельности Всероссийского церковного комитета помощи голодающим (ВЦКПГ). По этой же причине игнорируются и обращения Патриарха Московского и Всея Руси Тихона (В.И. Беллавина), который первым донес народам мира информацию об ужасах голода и призыв о помощи, нашедший душевный отклик как в России, так и в других странах [1, с. 178, 188–190]. Однако набравшее силу православное движение помощи голодающим не входило в политические планы советских властей. Более того, тяжелый экономический кризис, переросший в голодное бедствие на значительной территории РСФСР, в начале 1922 г. был использован для проведения решительной антицерковной богоборческой акции. Она, сопровождаемая жестокими

репрессиями против духовенства и верующих, имела целью «провести изъятие церковных ценностей», без коих, по ленинскому разумению, «никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности» якобы были «совершенно невыполнимы» [17]. Зато осмысленно под грифом «Секретно» и «Конспиративно» чередой прошли многочисленные распоряжения от значительного круга ленинских сподвижников как в Центральную комиссию по изъятию церковных ценностей, так и в местные властные структуры [31]. В конечном итоге оценочная сумма изъятого, по официальным данным составившая 6 576 932 руб. 66 коп. в золотых рублях 1923 года [20], уйдя в первую очередь на саму кампанию по изъятию церковных ценностей и сопутствующие мероприятия, заметно не изменила положения голодавшего населения. Сожалея об этом, нельзя упускать из виду главного, что все происходило вопреки воле иерархов РПЦ и желанию ее верных чад, чьи добровольные пожертвования вместе с насильственно изъятым из церквей имуществом стали суммированным вкладом в борьбу с голодом [28]. Ю.А. Поляков в момент написания книги себя к чадам РПЦ не относил, поэтому в предпоследнем абзаце и изложил мифический тезис о некоем «проявлении воспитанного партией чувства коллективизма и чувства ответственности граждан Республики Советов за судьбы страны, хозяевами которой они стали».

Оценивая самый многостраничный параграф 4 «Первая продналоговая кампания» (см.: [26, с. 295–315]), во-первых, надо сказать о его нелогичном, с нашей точки зрения, расположении – после событий страшного голода. Все дело в том, что голод в свою трагическую фазу перешел после перехода от продразверстки на продналог, а не наоборот. Своеобразным опровержением самого себя у Ю.А. Полякова предстает и логика предыдущего параграфа с акцентом на природный катаклизм в виде засухи, что привело к недобору зерновых культур, с последующим тезисом: «Продналоговая кампания 1921–1922 гг. была длительной и напряженной. Государство оказалось вынужденным использовать наряду с методами убеждения и принуждение, ибо известная часть крестьян

скрывала подлинные размеры пашни, укрывала хлеб».

Однако в целом сбор налога, прошедший значительно легче, чем сбор разверстки в предыдущие годы, ознаменовался серьезным успехом Советской власти, подтвердил правильность ленинской линии на переход к нэпу» (см.: [26, с. 296]).

Это действительно была именно «ленинская линия», но только Ю.А. Поляков, как и другие историки, использовавшие марксистско-ленинскую методологию, не раскрывал ленинскую задумку, доведенную до делегатов X съезда РКП(б) 8 марта 1921 г. через обещание: «Дать крестьянину возможность известной свободы в местном обороте, перевести разверстку на налог...», – но с оговоркой: «Разумеется, мы знаем, что в обстановке, которая окружает нас, – это вещь очень трудно осуществимая. Площадь посева, урожайность, средства производства, все это сократилось, излишки стали, несомненно, меньше, и в очень многих случаях их вовсе нет. С этими условиями надо считаться, как с фактом, – выдал парадоксальную, потрясающе жесткую идею, – крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города. В общегосударственном масштабе – это вещь вполне понятная, но чтобы ее понял распыленный, обнищавший крестьянин-хозяин, – на это мы не рассчитываем. И мы знаем, что без принуждения здесь не обойдешься, – без принуждения, на которое разоренное крестьянство реагирует очень сильно» [16, с. 28–29].

Ленинское заявление, что «крестьянин должен несколько поголодать», и его контекст очень важны как в принципе, так и для рассмотрения проблемы голода, именно мнимым «НЭПом» обусловленного. Это требует пояснений. Налицо было то, что крестьянство опять приносилось ради пролетариев города в жертву голоду. Причем говоривший знал, что сделать это можно будет только по принуждению. Ведь всякому ясно, что человек здоровомыслящий на муки голода, тем более не только собственные, а и людей близких, не пойдет. Это означало, что В.И. Ульянов-Ленин продолжение войны с крестьянством предвидел и перед однопартийцами не скрывал.

Неделей позже, уже в предпоследний день работы съезда – 15 марта, выступая с

докладом «О замене разверстки натуральным налогом», он, вновь связывая налог с голодом, выдал еще одну идею, которая тоже не укладывается в обычную логику. «Если будет неурожай, – заявил глава советского правительства, – брать излишки нельзя, потому что излишков не будет. Их пришлось бы взять изо рта крестьян. Если будет урожай, – продолжил он, – тогда все поголодают немножко, и государство будет спасено...» [13, с. 71]. Из такой ленинской логики однозначно следовало, что не в случае недорода, а именно при урожае, то есть при большом хлебе, народ будет голодать. Причину столь неординарно чудовищного сценария развития событий он находил в том, что при недостатке хлеба крестьяне легко обманутся и не смогут одновременным возмущением среагировать на его изъятие.

Не найдя этого в ленинском наследии, Ю.А. Поляков не смог показать и того, что переход на продовольственный налог обернулся для крестьян большими изъятиями продуктов и ростом числа голодающего сельского населения. Это было обусловлено тем, что продовольственная политика Советского государства и с переходом на продналог сохранила свою прежнюю сущность, проявившуюся в следующих главных чертах: при декларировании меньших размеров продналога относительно разверстки за точку отсчета брали не изъятия предыдущего года, а планы последующего, при этом фактически намеревались собрать в больших размерах; увеличилось количество видов сырья и продуктов натурального обложения; не выполнялись объявлявшиеся обязательства о заблаговременном обнародовании точных ставок налога, что было и при разверстке; сохранялся прежний продовольственный аппарат и практика использования уполномоченных из центра, военно-чекистских и милицейских формирований при сборе продналога; непоколебленным остался принцип принуждения, реализуемый через систему наказания – от многосуточного пребывания под административным арестом до многолетних заключений в тюрьмы с конфискацией имущества; сохранилось широкое использование и таких форм законом не предусматривавшегося принуждения, как демонстрация военной силы, довольствие красноармейцев за счет крестьян, не внесших или

плохо сдающих налог, военные постой, взятие заложников, закрытие рынков и др.; продналог собирался и в районах, объявляемых пострадавшими от голода, путем преобразования его в местный налог [21; 27].

Явным расхождением с жизненными реалиями деревенской России предстает и параграф 5 «Озимая кампания 1921 г.» (см.: [26, с. 315–320]), излагаемый автором по эскизу рапорта, передающего успехи осеннего посева с финальным аккордом: «Итак, благодаря своевременной и организованной помощи со стороны государства крестьяне голодающих губерний получили возможность засеять (хотя и не полностью) свои поля». Но буквально через абзац свою ремарку «хотя и не полностью» автор конкретизирует: «...за исключением голодающих губерний и некоторых районов», – то есть сам и опровергает некие надуманные успехи.

Закрывающий анализируемую главу книги параграф 6 «1922 год – переломный» (см.: [там же, с. 321–341]) автор вновь начал еще одним рапортом: «Уже с осени 1921 г. началась подготовка к весенней кампании 1922 года. Как и в двух предыдущих посевных кампаниях, на первом плане была задача снабжения семенами». С таким утверждением нельзя не согласиться, потому что, действительно, судьба людей, погибавших голодной смертью, уходила на второй план. Вместе с тем и итоги посевной кампании, хотя усилиям партийно-советских структур автор посвятил 14 из 21 страницы текста, опять оказались плачевными, что подтверждается выводом: «Сокращение размеров посевных площадей весной 1922 г., безусловно, явилось следствием общего тяжелого состояния сельского хозяйства и главным образом неурожая 1921 г.» (см.: [там же, с. 334]). В итоге новые неудачи опять объяснялись «объективными» причинами, а не порочными действиями тех, кто был во главе Советской страны.

По этой же методологической обусловленности в контекст изложения у Ю.А. Полякова не попадут данные о жертвах голода, которые на май 1922 г. превысят 5 млн человек [5, с. 246]. Объяснить это можно лишь попыткой навязать читателям некую надуманную пропагандистскую конструкцию «перелома», а вместе с ним и миф о «новой экономической

политике», как будто бы светлом отрезке времени в 70-летнем мраке коммунизма.

На такой же логике зиждется изложение материала и других глав книги, например в заключительной главе 9 «Советская деревня в 1923–1925 гг.» (см.: [26, с. 468–497]) автор, перейдя к пафосному описанию «колхозного движения», завершит утверждением, что «советская деревня в 1923–1925 гг. хозяйственно крепла». Правда, при этом обойдет вниманием решающие в судьбе пострадавших от голода изменения в налоговом обложении крестьянства, произошедшие в 1922–1924 гг. вслед за переходом на продовольственный налог. К существенным можно отнести трудгужевый, общегражданский и подворный налоги, промысловый сбор, а также целый ряд натуральных налогов, тогда же замененных единым сельскохозяйственным налогом с устанавливаемыми в вышестоящих инстанциях разрядами урожайности. Для его уплаты деньгами крестьяне вынуждены были продавать продукты, а затем для своего потребления их же покупать по более высоким ценам. В случае замены налога, измерявшегося в ржаных единицах, другими культурами он количественно возрастал или предполагал внесение ржи, налогоплательщиком купленной.

Но более существенным является то, что Ю.А. Поляков не смог выйти на обобщение данных о жертвах голода, которые на 1925 г. составили не менее 6 млн. человек [22, с. 671]. Именно это является решающим аргументом в отрицании той якобы «новой экономической политики», на восхваление которой было направлено все содержание анализируемой книги, чем ее автор, действительно, засвидетельствовал себя знатоком марксистско-ленинской теории аграрно-крестьянского вопроса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Новая экономическая политика» именно в кавычках именовалась в резолюции XV съезда ВКП(б), проходившего в декабре 1927 года. См.: [11, с. 274].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 : сб. : в 2 ч. / сост. М. Е. Губо-

нин. – М. : Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. – 1064 с.

2. Бершадская, О. В. Черноморская деревня в условиях НЭПа (социально-экономический аспект) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. В. Бершадская. – Краснодар : Куб. гос. ун-т, 2007. – 24 с.

3. Голанд, Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа / Ю. Голанд. – Изд. 2-е, доп. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1998. – 154 с.

4. Грехова, Н. Н. Проблемы НЭПа в современной отечественной историографии // Дискуссионные проблемы Отечественной истории : материалы науч.-практ. конф. «Дискуссионные проблемы Отечественной истории в вузовском и школьном курсах» (14–15 сентября 1993 г.) / Н. Н. Грехова. – Арзамас : Арзам. пед. ин-т, 1994. – С. 119–124.

5. Данилов, В. П. Динамика населения СССР за 1917–1929 гг. (Опыт археографического и источниковедческого отбора данных для реконструкции демографического процесса) / В. В. Данилов // Археографический ежегодник за 1968 год. – М. : Наука, 1970. – С. 242–253.

6. Ибрагимов, Д. Х. НЭП и Перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку / Д. Х. Ибрагимов. – М. : Памятники исторической мысли, 1997. – 218 с.

7. Известия. – 1921. – 9 июля. – С. 1.

8. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. – 1938 год / под ред. комиссии ЦК ВКП(б) ; одобрен ЦК ВКП(б). – М. : Госполитиздат, 1955. – 352 с.

9. Калинин, М. Итоги голодной кампании / М. Калинин // Итоги последгол (с 15/X–1922 г. – 1/VIII–1923 г.). – М. : Изд. Ликвидкома ЦКПГ ВЦИК, 1923. – С. 5.

10. Калинин, М. И. Речь на Торжественном Соединенном заседании ЦК Последгол ВЦИК 29 октября в доме Союзов совместно с Моссоветом, ВЦСПС, МГСПС и другими организациями. Председательствовал Калинин / М. И. Калинин // После голода. – 1922. – Декабрь (№ 1) (Издание ЦК Последгол ВЦИК, Москва). – С. 24–25.

11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – Изд. 9-е, доп. и испр. – Т. 4 : 1926–1929. – М. : Политиздат, 1984.

12. Латыпов, Р. А. «Культурный шок» в международных отношениях: опыт работы АРА в Советской России в 1921–1923 гг. / Р. А. Латыпов // Новый исторический вестник. – 2005. – № 1. – С. 50–71.

13. Ленин, В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом, 15 марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 57–73.

14. Ленин, В. И. Заключительное слово по докладу о продовольственном налоге, 27 мая 1921 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 317–332.

15. Ленин, В. И. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б) 9 марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 34–51.

16. Ленин, В. И. Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б), 8 марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 7–33.

17. Ленин, В. И. Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б), 19 марта 1922 г. / В. И. Ленин // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 190–195.

18. Ленин, В. И. План речи о замене разверстки налогом. Первая половина марта 1921 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 371–373.

19. Месячные и годовые выводы метеорологических наблюдений в Нижегородской губернии за 1919–1921 гг. // Статистический ежегодник Нижегородской губернии, 1922 и 1923 гг. – Н. Новгород, 1924. – С. 4–7.

20. Отчет по церковным ценностям с начала кампании по 1-е августа 1923 года // Итоги послед-гол (с 15/X–1922 г. – 1/VIII–1923 г.). – М. : Изд-во Ликвидкома ЦКПГ ВЦИК, 1923. – С. 163.

21. Поляков, В. А. Голод в Поволжье и его взаимосвязь с разверсткой и продналогом / В. А. Поляков // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок : материалы ХХIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Орел : ОГУ : Орловская правда, 2006. – С. 384–399.

22. Поляков, В. А. Голод в Поволжье, 1919–1925 гг.: происхождение, особенности, последствия / В. А. Поляков. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2007. – 735 с.

23. Поляков, В. А. Комиссия М. И. Калинина: из истории государственной помощи голодающим (1921 г.) / В. А. Поляков // Новый исторический вестник. – 2007. – № 2. – С. 119–133.

24. Поляков, В. А. «Новая экономическая политика» – одиозный партийный миф / В. А. Поляков // Дискуссионные проблемы Отечественной истории :

материалы науч.-практ. конф. «Дискуссионные проблемы Отечественной истории в вузовском и школьном курсах» (14–15 сентября 1993 г.). – Арзамас : Арзам. пед. ин-т, 1994. – С. 125–133.

25. Поляков, Ю. А. Новая экономическая политика: Разработка и осуществление / Ю. А. Поляков, В. П. Дмитренко, Н. В. Щербань. – М. : Политиздат, 1982. – 240 с.

26. Поляков, Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство / Ю. А. Поляков. – М. : Наука, 1967. – 512 с.

27. Поляков, В. А. Продовольственная разверстка и ее последствия для экономики: на материалах Поволжья / В. А. Поляков // Экономический журнал. – 2005. – № 9. – С. 135–160.

28. Поляков, В. А. Русская Православная Церковь и международная помощь во время первого советского голода в 1920-е годы / В. А. Поляков // Мир Православия : сб. науч. ст. Вып. 3. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2000. – С. 183–193.

29. Поляков, Ю. А. 1921-й: победа над голодом / Ю. А. Поляков. – М. : Политиздат, 1975. – 112 с.

30. Россия нэповская: политика, экономика, культура : тезисы Всесоюз. науч. конф. (25–27 июня 1991 г.). – Новосибирск : Ордена Ленина Сиб. отд-ние АН СССР : Ин-т истории, филологии и философии, 1991. – 305 с.

31. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библейско-Богословского института св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.

32. Центр документации новейшей истории Ульяновской области. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 283. – Л. 46 об.

33. Яхугль, Ю. А. Мелкая промышленность Кубано-Черноморской области в начале НЭПа: проблемы управления, социальная структура, кадры (1921–1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ю. А. Яхугль. – Краснодар : Куб. гос. ун-т, 2007. – 25 с.

**THE FAMINE PROBLEM AS AN IMPORTANT COMPONENT
OF SCIENTIFIC AND HISTORICAL COMPREHENSION
OF THE “NEW ECONOMIC POLICY”,
OR THE RETRO STYLE REVIEW OF THE BOOK BY POLYAKOV Yu. A.
TRANSITION TO THE NEW ECONOMIC POLICY AND THE SOVIET PEASANTRY
/ Yu. A. POLYAKOV. – М. : NAUKA, 1967. – 512 p.**

V.A. Polyakov

The paper deals with the so called “New Economic Policy” which was the main cause of the first Soviet famine in the 1920s by means of a review of the book published more than forty years ago.

Key words: *historiography, methodology, famine, countryside, peasantry, sowing campaign, provisions tax campaign, “New Economic Policy”.*